ОЧЕРКЪ

АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА,

ЧИТАННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

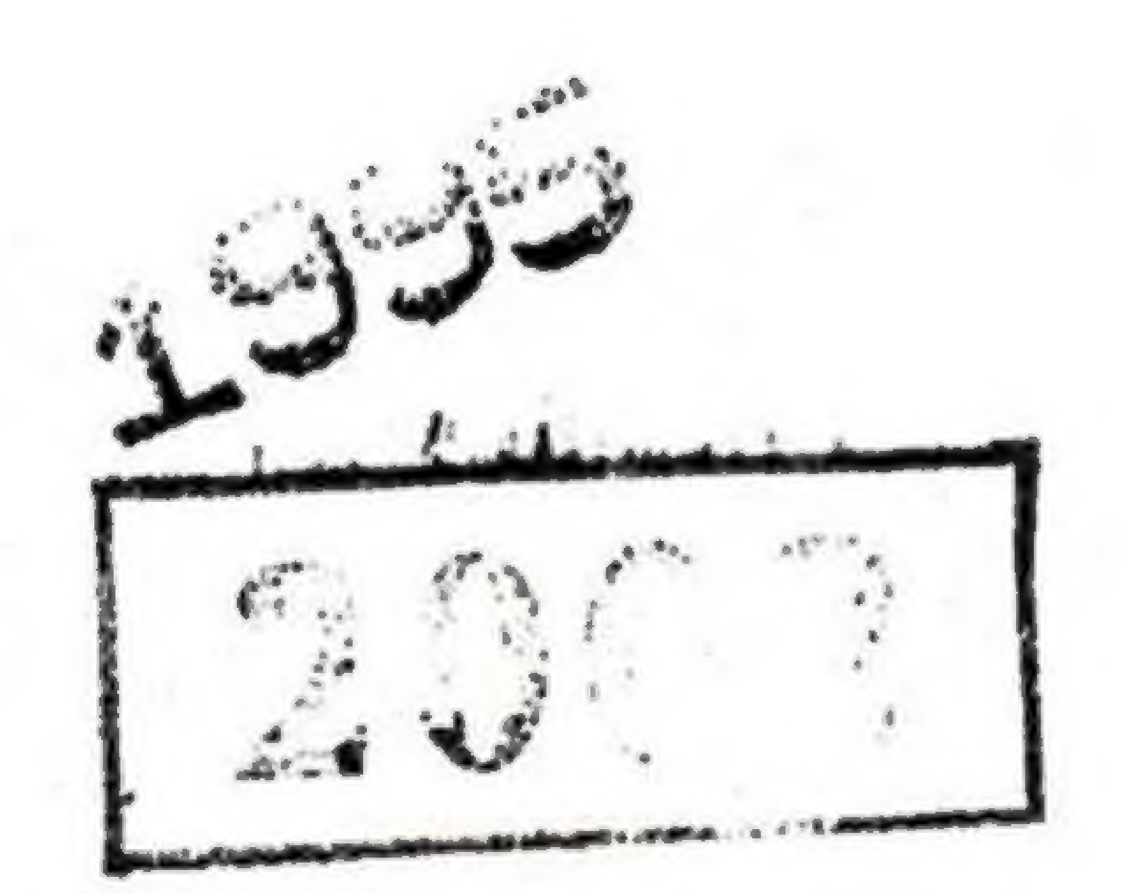
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

6-ГО АПРѢЛЯ 1865 ГОДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1865.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 30 іюля 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

«Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ и тѣмъ живѣе чувствуемъ его достоинство... Если генiй и дарованiя ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россiя должна Ломоносову монументомъ.» *Карамзинъ.*

«Ломоносовъ былъ великiй человѣкъ... Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятiя, Ломоносовъ обнялъ всѣ отросли просвѣщенiя.» *Пушкинъ.*

«Всякое прикосновенiе къ любезной сердцу его Россiи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ ея сiяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной.» *Гоголь.*

То, что въ эти дни совершается по всей Россiи въ память родоначальника нашей литературы, есть празднество мысли, какого еще не бывало у насъ; это — общественное празднество русскаго просвѣщенiя.

Въ такую эпоху, когда давно-признанныя заслуги подвергаются строжайшему пересмотру, выраженiе всеобщаго сочувствiя къ Ломоносову есть явленiе и отрадное и знаменательное.

Оно отрадно, потому что въ идеѣ его — признанiи духовнаго превосходства — соединяются люди всѣхъ категорiй, примиряются разнородные и даже противоположные взгляды.

Оно знаменательно какъ несомнѣнный признакъ усиленія въ нашемъ обществѣ умственныхъ интересовъ, оживленія въ немъ національнаго чувства и любви къ родному слову. Въ Ломоносовѣ мы чествуемъ могущество природнаго ума, который, въ борьбѣ съ враждебною судьбой, завоевалъ знаніе и проложилъ себѣ широкій путь въ жизни; но мы чествуемъ и науку, давшую ему значеніе и славу; мы чествуемъ въ Ломоносовѣ сочетаніе пылкаго генія съ ненасытною пытливостью и неутомимымъ трудолюбіемъ.

Въ сто лѣтъ, протекшія со смерти Ломоносова, отношеніе его къ русской литературѣ уже значительно измѣнилось. Въ первыя 50 лѣтъ онъ считался законодателемъ въ поэзіи, въ краснорѣчіи, въ языкѣ; поэты и ораторы видѣли въ немъ свой образецъ и старались только о томъ, какъ бы сравняться съ нимъ. Впослѣдствіи вліяніе его ослабѣло, русская поэзія и проза приняли новыя формы, но слава его осталась неприкосновенною. Въ настоящее время происходитъ новый поворотъ въ исторіи его значенія для потомства. Съ развитіемъ нашей гражданской жизни и народности въ литературѣ, на первый планъ въ оцѣнкѣ Ломоносова выступаетъ его общественная дѣятельность, его національное значеніе; онъ является передовымъ борцомъ русской мысли, русской науки, и общая дань памяти его есть торжественное признаніе драгоцѣннѣйшихъ духовныхъ сокровищъ націи.

Съ славою Ломоносова, съ удивленіемъ, которое къ нему питали современники и сохраняетъ потомство, въ рѣзкомъ противорѣчіи скудость того, что сдѣлано во сто лѣтъ для его изученія. По смерти его осталось довольно большое число неизданныхъ сочиненій; нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи были напечатаны, но значительная часть не дошла до насъ; неизвѣстно даже, куда дѣвались рукописи. Гдѣ остались его Ораторія и Поэзія, двѣ книги, составлявшія продолженіе его Риторики? Гдѣ его «мысли, простиравшіяся къ приращенію общей пользы», изложенныя въ запискахъ, изъ которыхъ только одна, — «о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа» намъ извѣстна? Не много сдѣлано до сихъ поръ и для критической оцѣнки заслугъ Ломоносова. Правда, количество отдѣльныхъ ста-

тей, напечатанныхъ о немъ въ этотъ періодъ, очень велико; многочисленны разбросанные въ періодическихъ изданіяхъ матеріалы для его біографіи; но слишкомъ мало было трудовъ, которые бы имѣли цѣлью, на основаніи строгаго научнаго анализа, установить вѣрный взглядъ на значеніе Ломоносова въ той или другой сферѣ дѣятельности. Даже языкъ его еще не былъ подвергнутъ подробному изслѣдованію. Имѣющіяся до сихъ поръ изданія его сочиненій не полны и неудовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ согласить такое невниманіе къ трудамъ Ломоносова съ признаніемъ его великаго историческаго значенія?

Это противорѣчіе объясняется прежнимъ состояніемъ нашего общества и нашей литературы. Оттого такъ долго оставались подъ спудомъ и матеріалы для біографіи Ломоносова, появляющіеся нынѣ въ первый разъ, благодаря пробудившейся въ обществѣ потребности подобныхъ изданій, благодаря духу времени, который все извлекаетъ изъ праха забвенія, все разыскиваетъ и подвергаетъ изслѣдованію. Нѣтъ сомнѣнія, что эти матеріалы составятъ эпоху въ изученіи Ломоносова, дадутъ новую жизнь исторіи нашей литературы 18-го столѣтія. Славѣ Ломоносова они не повредятъ: если тутъ или тамъ его недостатки выступаютъ теперь въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, за то и достоинства его являются въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Но скрывать или искажать факты, когда рѣчь идетъ о немъ, было бы недостойно его величія. Не онъ ли всю свою жизнь искалъ истины, любя выше всего науку? Если мы хотимъ, чтобъ наша дань его достоинствамъ имѣла цѣну, мы должны открыто сознавать и его недостатки. Иначе наше слово было бы не чествованіемъ, а оскорбленіемъ его памяти, потому что оно оскорбило бы истину и науку.

Но если Ломоносовъ не всегда отвѣчаетъ нашимъ понятіямъ о приличіи, о безпристрастіи и великодушіи, если онъ иногда является намъ слишкомъ раздражительнымъ или мнительнымъ, то, во-первыхъ, мы не должны забывать, что къ людямъ геніальнымъ вообще нельзя безусловно прилагать установленной мѣрки житейскихъ требованій; во-вторыхъ, необходимо имѣть въ виду не только состояніе русскаго общества во

время Ломоносова, но и обстоятельства, среди которыхъ онъ росъ и развивался отъ дѣтства до поступленія въ Академію; надобно вспомнить нравы нашего 18-го столѣтія и среди ихъ цѣлый рядъ дѣятелей, представляющихъ черты однородныя, рядъ, въ главѣ котораго стоитъ самъ Петръ Великій съ его вспыльчивымъ, крутымъ и жесткимъ нравомъ. Въ Россіи еще не было общаго уровня образованія; природныя свойства гораздо сильнѣе и рѣшительнѣе заявляли свои права; оттого тогдашніе люди являются вообще съ болѣе рѣзкими и выразительными физіономіями. Ломоносовъ ни въ Заиконоспасскомъ училищѣ, ни въ нѣмецкомъ университетѣ не могъ научиться правиламъ общежитія; безпорядочный образъ жизни тогдашнихъ германскихъ студентовъ не могъ остаться безъ вліянія на молодаго Русскаго съ пылкими страстями, и мы не должны слишкомъ строго судить его за слабости и пороки, привитые къ нему обществомъ, среди котораго онъ провелъ свою молодость.

Біографія Ломоносова находилась до сихъ поръ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи.

Нѣтъ, можетъ быть, ни одного писателя, жизнь котораго была бы, повидимому, столь хорошо извѣстна, но въ сущности была бы такъ мало разъяснена. Внѣшнія обстоятельства жизни Ломоносова такъ поразительны, что съ ними всякій Русскій знакомился уже съ дѣтства, но на этомъ дѣло, по бо̀льшей части, и останавливалось. Внутреннихъ сторонъ его біографіи никто не изучалъ надлежащимъ образомъ уже потому, что для этого недоставало положительныхъ данныхъ. Да притомъ и внѣшніе факты его жизни извѣстны были только въ общихъ чертахъ; знакомство съ ними основывалось, бо̀льшею частію, на преданіяхъ, на разсказахъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ Ломоносова, а не на подлинныхъ документахъ. Тутъ первоначальными источниками служили немногія сообщенія самого Ломоносова въ письмахъ его, особенно къ Шувалову, разсказы Штелина, Новикова и біографія Ломоносова при изданіи его сочиненій Академіею Наукъ, также извѣстія академика Лепехина, который сообщилъ преданія о Ломоносовѣ, сохранившіяся на мѣстахъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство: наконецъ свѣдѣнія, собранныя Свиньинымъ.

Всѣ эти источники не только скудны, отрывочны, неполны, но и не совсѣмъ достовѣрны, особенно въ отношеніи къ хронологическимъ даннымъ, которыя иногда оказываются въ нихъ просто ошибочными.

Такіе недостатки никогда уже не могутъ быть отстранены вполнѣ въ разсужденіи первой половины біографіи Ломоносова. Тѣмъ не менѣе и эта часть ея въ значительной мѣрѣ пополняется и исправляется издаваемыми нынѣ документами. Сюда относятся особенно тѣ изъ нихъ, которые напечатаны г. Куникомъ. Они объясняютъ подробно поводъ къ посылкѣ Ломоносова въ Германію, его положеніе, жизнь и занятія во время пребыванія за границею, а также и тогдашнія отношенія его къ Академіи. Эти свѣдѣнія дополняются нѣсколькими важными бумагами, отысканными г. Пекарскимъ. Въ свою очередь, обильные матеріалы, собранные г. Билярскимъ, обнимаютъ всю академическую дѣятельность Ломоносова. Изъ краткой автобіографической записки его открывается несомнѣнно, что онъ въ московскія Спасскія школы записался не прежде 15-го января 1731 года. А такъ какъ онъ передъ тѣмъ былъ короткое время въ Навигацкой школѣ, на переходъ же изъ родины въ Москву употребилъ до трехъ недѣль, то выходитъ, что онъ покинулъ свою деревню въ началѣ декабря или еще въ ноябрѣ 1730 года. На основаніи того же документа, рожденіе его можетъ быть отнесено къ 1712 году[1]): въ этой запискѣ, составленной очевидно въ началѣ 1754, сказано, что ему было тогда 42 года. Чрезвычайно замѣчательно также, въ біографическомъ отношеніи, нѣмецкое письмо къ библіотекарю Академіи Шумахеру, писанное Ломоносовымъ въ послѣднее время пребыванія его въ Марбургѣ, именно 16-го ноября 1740 года[2]). Письмо это бросаетъ сомнѣніе на точность всѣмъ извѣстнаго разсказа объ обстоятельствахъ бѣгства Ломоносова изъ Марбурга въ Голландію. Письмо написано въ оправданіе

---

[1]) По Штелину, онъ родился въ 1711 г., а по разсказу, слышанному Лепехинымъ, въ 1709 г. Возможно, что Ломоносовъ и самъ въ точности не зналъ года своего рожденія.

[2]) См. *Сборникъ* г. Куника, стр. 167.

произвольнаго отъѣзда его изъ Фрейберга и почти все наполнено жалобами на бергфизика Генкеля, къ которому Ломоносовъ съ товарищами ѣздилъ изъ Марбурга учиться горному дѣлу. Будучи въ крайнемъ затрудненіи отъ безденежья и считая дальнѣйшее пребываніе въ Фрейбергѣ для себя безполезнымъ, онъ въ маѣ 1740 г. отправился сперва въ Лейпцигъ, а потомъ въ Кассель, для личнаго объясненія съ бывшимъ президентомъ Академіи Кейзерлингомъ, который теперь былъ посломъ нашимъ при саксонскомъ дворѣ и по слухамъ находился въ этихъ городахъ. Не заставъ его тамъ, Ломоносовъ рѣшился ѣхать черезъ Голландію въ Петербургъ, но прежде захотѣлъ побывать въ Марбургѣ, чтобы снарядиться въ путь съ помощію друзей. Изъ Марбурга онъ пустился во Франкфуртъ-на-Майнѣ, а оттуда водою до Роттердама. Здѣсь русскій посланникъ гр. Головкинъ отказалъ ему въ помощи и объявилъ, что вовсе не желаетъ вмѣшиваться въ дѣло. Ломоносовъ поѣхалъ въ Амстердамъ и нашелъ тутъ знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые отсовѣтовали ему возвращаться въ Россію безъ особаго вызова. Тогда онъ отправился опять въ Германію и на этомъ-то пути «вынесъ много опасностей и нужды, которыя, какъ онъ говоритъ, было бы слишкомъ долго описывать».

Эти слова заставляютъ насъ предполагать, что испытанныя имъ приключенія относятся къ обратному его путешествію изъ Голландіи, а не къ окончательному бѣгству его изъ Марбурга[1]), гдѣ онъ послѣ того жилъ нѣсколько времени инкогнито и занимался алгеброй.

Это письмо Ломоносова любопытно, между прочимъ, и какъ свидѣтельство его быстрыхъ успѣховъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Одинъ изъ пунктовъ инструкціи, данной ему при отправленіи его за границу, предписывалъ: «стараться ему о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, чтобъ онъ ими свободно говорить и писать могъ». Рядомъ съ этимъ стояло еще другое предписаніе: «присылать

---

[1]) Согласное съ этимъ свѣдѣніе есть и въ бумагахъ Штелина. Москвит. 1853 г., № 3.

всегда по прошествіи полугода въ Академію Наукъ извѣстіе, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается, также нѣчто изъ своихъ трудовъ въ свидѣтельство прилежанія». Этими-то пунктами инструкціи объясняется, почему Ломоносовъ, осенью 1738 года, желая загладить передъ Академіею свое долгое молчаніе, прислалъ разомъ: донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ, ученое сочиненіе на латинскомъ и русскій переводъ въ стихахъ французской оды (Фенелона). Такова же была причина присылки въ началѣ 1740 г. знаменитой оды на взятіе Хотина и относящагося къ ней письма о правилахъ россійскаго стихотворства. Всѣмъ извѣстно, что въ этой одѣ Ломоносову служилъ образцомъ Гюнтеръ. Но въ чемъ именно состояло подражаніе, и почему онъ обратилъ такое вниманіе на этого поэта? Гюнтеръ, умершій въ 1723 году только 28 лѣтъ, справедливо пользовался тогда славою самаго талантливаго нѣмецкаго поэта: уже вышло нѣсколько, хотя еще и не полныхъ, изданій его сочиненій, и не задолго передъ паденіемъ Хотина появилась первая біографія покойнаго. Похвалы Гюнтеру вызвали противъ него и порицанія; противниками его были особенно послѣдователи рутиниста Готшеда. Но понятно, что въ томъ кругу, гдѣ обращался Ломоносовъ, талантъ Гюнтера былъ уважаемъ, особенно если вспомнить, что главнымъ покровителемъ покойнаго при жизни его, и первымъ его цѣнителемъ по смерти, былъ знаменитый лейпцигскій профессоръ Менке, бывшій въ сношеніяхъ съ наставникомъ Ломоносова Вольфомъ. Молодость несчастнаго Гюнтера, далѣе которой не продлилась его жизнь, представляетъ сходство съ первымъ періодомъ жизни Ломоносова. Гюнтеръ, силезскій уроженецъ, бѣжалъ также изъ родительскаго дома, слѣдуя потребностямъ духа, противъ воли отца, который хотѣлъ заставить его учиться медицинѣ, тогда какъ сынъ чувствовалъ влеченіе къ поэзіи. Но для Гюнтера этотъ поступокъ сдѣлался источникомъ бѣдствій и ранней гибели: не смотря на его глубокое раскаяніе впослѣдствіи, жестокій отецъ не согласился простить его и навсегда изгналъ изъ своего дома. Студенческая жизнь, какова она была въ тогдашнихъ германскихъ университетахъ, отразилась въ большей части стихотвореній Гюнтера, почему они, вѣроятно, были

распространены между студентами. Изумительно-плодовитый талантъ его проявился болѣе всего въ пѣсняхъ, но и онѣ, какъ большая часть его стихотвореній, написаны на разные случаи вседневной жизни. По духу того времени, высшимъ родомъ такого стихотворства *на случаи* считались сочиненія въ похвалу какого-нибудь знатнаго лица или событія дворской жизни; сочиненія же этого рода были и самыя выгодныя, потому что доставляли авторамъ не только покровительство сильныхъ, но и деньги. Искать передъ всякимъ домашнимъ праздникомъ, или по поводу радостнаго случая, стихотворца, который бы ихъ воспѣлъ, было обычаемъ не только дворовъ, но и частныхъ людей. Чѣмъ значительнѣе было воспѣтое лицо или обстоятельство, тѣмъ болѣе правъ пріобрѣтала ода на общее вниманіе. Вотъ почему, независимо отъ своего внутренняго достоинства, заняла такое видное мѣсто ода Гюнтера на миръ Австріи съ Турціей, заключенный въ Пассаровицѣ 1718 года. Написать ее побудилъ Гюнтера названный мною Менке, желая воспользоваться случаемъ доставить обезпеченное положеніе поэту, отъ котораго онъ такъ много ожидалъ. Гюнтеръ, вообще не любившій лести и хвалебнаго стихотворства, уступалъ однакоже не разъ требованіямъ своей эпохи. Едва ли Ломоносовъ, при своихъ ученыхъ занятіяхъ и студенческихъ развлеченіяхъ, имѣлъ время прилежно читать Гюнтера; но ему легко было ознакомиться съ прославленнымъ произведеніемъ замѣчательнѣйшаго изъ тогдашнихъ германскихъ поэтовъ, и вотъ однородныя событія въ войнѣ Россіи съ Турціею подаютъ ему мысль взять за образецъ нѣмецкую оду, воспѣвшую торжество Австрійцевъ въ борьбѣ съ тѣмъ же непріятелемъ. Чрезвычайно замѣчательно, какъ молодой Русскій, руководствуясь своимъ природнымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, воспользовался примѣромъ современнаго ему Нѣмца. Принявъ размѣръ подлинника и его десятистрочную строфу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи риѳмъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду почти вдвое короче. Кромѣ внѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничивается сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода.

Не останавливаясь на подробностяхъ для подкрѣпленія этого замѣчанія, прибавлю только, что Ломоносовъ обнаружилъ тутъ поразительную въ начинающемъ поэтѣ художественную сдержанность, избѣгнувъ всѣхъ тѣхъ неровностей, тривіальныхъ картинъ и выраженій, запечатлѣнныхъ безвкусіемъ, которыя довольно часто попадаются въ нѣмецкой одѣ посреди стиховъ и цѣлыхъ тирадъ противоположнаго свойства.

Пробывъ въ Германіи четыре года съ половиной, Ломоносовъ возвратился въ Петербургъ 8-го іюня 1741 года, въ кратковременное царствованіе Іоанна Брауншвейгскаго.

Чтобы получить вѣрное понятіе о положеніи Ломоносова въ Академіи, надобно знать устройство и состояніе ея въ то время. Она распадалась на нѣсколько отдѣловъ, или департаментовъ, которые не всѣ были соединены въ одномъ зданіи. Таковы были, напримѣръ, профессорское собраніе, русское собраніе, географическій департаментъ, гимназія и университетъ. Администрація всей Академіи сосредоточивалась въ канцеляріи, которою завѣдывалъ совѣтникъ ея и вмѣстѣ библіотекарь Шумахеръ Это лицо играетъ особенно важную роль во весь первый періодъ исторіи Академіи, продолжавшійся лѣтъ 30, отъ основанія ея до послѣднихъ годовъ царствованія Елисаветы[1]). Частое отсутствіе первыхъ президентовъ, начиная отъ Блументроста, и малое участіе, какое они вообще принимали въ дѣлахъ Академіи, вотъ что помогло Шумахеру захватить въ свои руки все ея управленіе. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы видимъ человѣка хитраго, ловкаго, властолюбиваго; не должно однакоже забывать, что его дѣятельность въ средѣ русскаго общества не была явленіемъ одинокимъ или исключительнымъ, а находилась въ связи со всею администраціею Россіи того времени. Устраняя академиковъ или, по тогдашнему, профессоровъ Академіи отъ всякаго вліянія на дѣла ея, онъ распоряжался самовластно даже всею ученою частью, тратилъ безотчетно суммы Академіи, которыя простирались до 25,000 въ годъ, выписывалъ изъ-за границы ученыхъ и завелъ при Академіи множе-

---

[1]) Онъ род. 5 сентября 1690 г. въ Эльзасѣ, ум. 3 іюля 1761 г. въ Петербургѣ.

ство ремесленниковъ и художниковъ. Для поддержанія своей власти Шумахеръ, по словамъ Ломоносова, слѣдовалъ Махіавелеву правилу, ссоря молодыхъ академиковъ съ старыми. Между тѣмъ его поступки съ самаго начала возбуждали общее неудовольствіе въ Академіи, и мы видимъ въ дѣлахъ, съ самыхъ первыхъ годовъ ея существованія, цѣлый рядъ коллективныхъ жалобъ, подававшихся на него то президенту, то въ Сенатъ, то на Высочайшее имя. Не смотря на то, Шумахеръ, благодаря своей изворотливости и покровительству при дворѣ, умѣлъ выходить невредимымъ изъ всѣхъ затрудненій, и послѣ каждой невзгоды еще тверже держалъ въ рукахъ бразды академическаго правленія. Будущему историку нашей Академіи предлежитъ между прочимъ задача точнѣе опредѣлить характеръ и побужденія этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго лица.

Сколько можно судить по имѣющимся у насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, Шумахеръ принялъ Ломоносова хорошо[1]): назначилъ ему денежное пособіе, отвелъ казенную квартиру въ ботаническомъ саду, во 2-й линіи, возлѣ нынѣшней Римско-католической духовной Академіи[2]), далъ ему на первое время занятія, состоявшія по большей части въ переводахъ, и тѣмъ доставилъ возможность трудиться для полученія при Академіи каѳедры. Представивъ уже въ августѣ двѣ ученыя работы, Ломоносовъ настойчиво требовалъ, чтобъ его опредѣлили. Но такъ какъ разсмотрѣніе ихъ замедлилось, не взирая на напоминанія Шумахера, то Ломоносовъ въ январѣ 1742 года подалъ въ академическую канцелярію прошеніе, въ которомъ напомнилъ свои успѣхи въ физикѣ, химіи и горнозаводствѣ и, выставляя, что онъ можетъ учить другихъ этимъ наукамъ, а также писать относящіяся къ нимъ сочиненія «съ новыми инвенціями», — жаловался, что просьбы его объ опредѣленіи остаются безъ исполненія. Это прошеніе было уважено, и уже че-

---

[1]) Президентомъ Академіи, послѣ выбывшаго въ 1740 году барона Корфа, былъ въ это время, но только по имени, фонъ-Бреверн ъ; уже въ слѣдующемъ году и онъ оставилъ Академію для дипломатической должности въ чужихъ краяхъ.

[2]) А домъ Державина, у Измайловскаго моста, занятъ нынѣ Римскою Коллегіею.

резъ нѣсколько дней Ломоносовъ назначенъ адъюнктомъ по физическому классу, съ жалованьемъ по 360 руб. въ годъ.

Спеціальнымъ предметомъ его должности сдѣлалась химія; но въ Академіи была еще и учебная часть: въ гимназіи и университетѣ, остававшемся впрочемъ почти безъ студентовъ, Ломоносову поручено было преподавать, кромѣ химіи, физическую географію, минералогію, «стихотворство и штиль россійскаго языка».

Академія не имѣла еще химической лабораторіи. Чувствуя, что безъ нея химикъ почти никакой пользы принести не можетъ, Ломоносовъ съ самаго начала сталъ настаивать на устраненіе этого недостатка и представилъ проектъ учрежденія лабораторіи. Сочлены его сознавали всю справедливость такого требованія, но средства Академіи не позволяли исполнить его; наконецъ Ломоносову поручено было составить смѣту расходовъ на этотъ предметъ, и по ходатайству барона Черкасова, потребная сумма была отнесена на счетъ Кабинета Ея Величества: въ теченіе лѣта 1748 г. химическая лабораторія построена подъ надзоромъ и руководствомъ Ломоносова, на ботаническомъ дворѣ, гдѣ находилась и квартира его.

Обширныя познанія и энергическая дѣятельность новаго адъюнкта не уберегли его въ первое время отъ послѣдствій невоздержности и порывовъ необузданной заносчивости, доводившихъ его до забвенія всякихъ приличій. Устраненный сперва отъ посѣщенія профессорскихъ засѣданій, онъ подпалъ потомъ за свои «продерзости» подъ слѣдствіе и былъ посаженъ подъ арестъ, продолжавшійся цѣлые полгода (вторая половина 1743 года). Къ счастію, онъ не лишился при этомъ возможности заниматься; напротивъ, мы видимъ, что въ это время онъ требуетъ себѣ книгъ, подаетъ проектъ химической лабораторіи, пишетъ и даже печатаетъ. При его освобожденіи изъ-подъ ареста, по сенатскому указу, замѣчательна показанная тому причина, выраженная словами: «для его довольнаго обученія», то-есть ради его учености. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, ему вмѣнено въ обязанность просить прощенія у оскорбленныхъ имъ профессоровъ, а за то, что онъ при допросахъ въ слѣдственной коммиссіи «показалъ противность и неучтивость, кричалъ и

смѣялся», онъ долженъ былъ въ теченіе года получать только половинное жалованье. Но и это лишеніе, благодаря обстоятельствамъ, продолжалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ: 15-го іюля 1744 г. состоялся, по случаю окончанія Шведской войны, милостивый манифестъ, и Ломоносовъ подошелъ подъ 1-й пунктъ его, освобождавшій отъ дальнѣйшаго взысканія служащихъ всякаго рода, сужденныхъ за непорядочные по должности поступки.

Относительнымъ снисхожденіемъ, испытаннымъ въ этомъ дѣлѣ, Ломоносовъ былъ, конечно, обязанъ своимъ талантамъ и сочиненіямъ, доставившимъ ему съ самаго возвращенія изъ-за границы почетную извѣстность и покровительство при дворѣ. Въ то же время въ кругу ученыхъ болѣе и болѣе признавались его способности и быстрый ростъ въ наукѣ.

Въ 1745 г. онъ потребовалъ и, по единодушному опредѣленію академиковъ, получилъ званіе профессора, при чемъ Гмелинъ, до тѣхъ поръ занимавшій каѳедру химіи, но сбиравшійся оставить Россію, уступилъ ему свою профессію въ полное распоряженіе. Вскорѣ послѣ того академическая канцелярія имѣла случай высказать свое доброе мнѣніе о Ломоносовѣ. Поводомъ къ тому послужила просьба его о доплатѣ ему слѣдовавшихъ еще за время пребыванія въ Германіи денегъ (около 300 руб.). Съ самаго пріѣзда оттуда онъ находился въ крайне тѣсныхъ обстоятельствахъ. Къ прежнимъ заграничнымъ долгамъ присоединились новые, такъ какъ скудное академическое жалованье задерживалось по нѣскольку мѣсяцевъ, и онъ, какъ самъ говорилъ, «не только не могъ покупать инструментовъ, но съ великою нуждою имѣлъ пропитаніе». Еще труднѣе сдѣлалось его положеніе, когда изъ Германіи, гдѣ онъ женился, пріѣхала молодая жена его съ дочерью. Окладъ въ 660 р., который онъ сталъ получать по званію профессора, не могъ вполнѣ устроить его, и тогда-то онъ потребовалъ недоплаченной ему суммы. Какъ въ это время часто дѣлалось, Академія уплатила ему свой долгъ книгами, которыя приходилось продавать ниже дѣйствительной цѣны ихъ. Но при этомъ случаѣ, въ опредѣленіи канцеляріи выставлены были его «ревностные передъ прочими товарищами труды и особливые къ пользѣ государственной успѣ-

хи въ наукахъ, а также разныя оказанныя въ Россіи къ пользѣ и чести Академіи услуги». Но Ломоносову должны были еще болѣе льстить начавшіеся въ это же время отзывы о немъ славнаго математика Эйлера, который, будучи членомъ нашей Академіи, съ воцаренія Елисаветы Петровны жилъ въ Берлинѣ. Петербургская Академія сохраняла съ нимъ сношенія и посылала ему все, что появлялось въ ней замѣчательнаго. Послѣ опредѣленія Ломоносова въ профессоры, отправлены были Шумахеромъ диссертаціи его къ Эйлеру. Пораженный достоинствами этихъ трудовъ, великій математикъ отвѣчалъ: «Всѣ записки его по части физики и химіи не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизвѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытія физическихъ и химическихъ явленій, и желательно было бы, чтобъ всѣ прочія Академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ г. Ломоносовъ».

Въ другой разъ, въ 1748 году, Эйлеръ пишетъ новому президенту Академіи, графу Разумовскому: «Позвольте мнѣ приложить на ваше же имя отвѣтъ г. Ломоносову по одному весьма трудному предмету физики: я никого не знаю, кто бы въ состояніи былъ такъ хорошо разъяснить столь запутанный вопросъ, какъ этотъ даровитый человѣкъ, который своими познаніями приноситъ столько же чести Академіи, сколько и всей націи». Подобныхъ мнѣній Эйлера можно бы представить множество. Но онъ цѣнилъ не одни ученые труды Ломоносова. Получивъ акты торжественнаго собранія Академіи, на которомъ между прочимъ прочитано было похвальное слово Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Эйлеръ такъ выражался въ письмѣ къ Шумахеру: «Я былъ въ восхищеніи, узнавъ какъ блистательно было послѣднее публичное собраніе Академіи: прочитанныя тутъ рѣчи заслужатъ одобреніе всѣхъ ученыхъ; особливо же панегирикъ г. Ломоносова кажется мнѣ мастерскимъ въ своемъ родѣ произведеніемъ». Но намъ понадобилось

бы слишкомъ много времени, чтобы сообщить хотя въ извлеченіи всѣ любопытныя сужденія, высказанныя Эйлеромъ о Ломоносовѣ, и вообще прослѣдить ихъ взаимныя отношенія. Нѣсколько сохранившихся писемъ Ломоносова къ Эйлеру (на латинскомъ языкѣ) служатъ свидѣтельствомъ тѣхъ чувствъ довѣрія и признательности, съ какими русскій ученый обращался къ славному Германцу, удовлетворяя сердечной потребности давать ему по временамъ отчетъ въ своихъ предпріятіяхъ и успѣхахъ. Во всемъ этомъ отрадно видѣть безпристрастіе геніальнаго математика въ оцѣнкѣ Ломоносова съ первыхъ его шаговъ на академическомъ поприщѣ и то взаимное сочувствіе, которое упрочилось между ними, какъ естественное отношеніе между двумя столь высокими умами. Не одинъ Эйлеръ впрочемъ такъ смотрѣлъ на Ломоносова: есть подобные о немъ отзывы и другихъ извѣстныхъ ученыхъ того времени, напр. Вольфа, Кондамина, Гейнзіуса, Формея, Шлецера и Крафта, который называлъ его un génie supérieur.

Нѣкоторыя изъ изложенныхъ мною обстоятельствъ уже показываютъ, что господствовавшія до сихъ поръ понятія о положеніи Ломоносова въ Академіи требуютъ повѣрки. Обыкновенно думаютъ, что онъ оставался непризнаннымъ и былъ предметомъ всякаго противодѣйствія, даже преслѣдованія со стороны своихъ иноплеменныхъ сочленовъ. Но ближайшее знакомство съ изданными теперь матеріалами удостовѣряетъ, что препятствія и неудачи, которыя Ломоносовъ встрѣчалъ въ своей дѣятельности, происходили по большей части отъ общаго неустройства Академіи, отъ скудости ея средствъ, отъ исключительнаго преобладанія канцеляріи, или лучше, одного въ ней человѣка. Мы уже видѣли, что отъ Шумахера равно страдали, на него равно негодовали всѣ профессора. Ломоносовъ, вскорѣ испытавъ на себѣ всю тягость его деспотизма, говорилъ о немъ: «онъ всегда былъ высокихъ наукъ, а слѣдовательно и мой ненавистникъ и *всѣхъ профессоровъ* гонитель». Академики доказали во многихъ случаяхъ уваженіе и безпристрастіе къ Ломоносову. Требованія его исполнялись ими, насколько это отъ нихъ зависѣло. Мы видимъ даже, что однажды количество отпущенныхъ на лабораторію хозяйственныхъ

матеріаловъ превышало то, что Ломоносовъ назначилъ. Самъ онъ съ бо̀льшею частью академиковъ оставался въ хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ. Если онъ ссорился съ иноплеменниками — Миллеромъ, Шлецеромъ, Гришовомъ, Эпинусомъ, то имѣлъ подобныя неудовольствія и съ соотечественниками своими — Сумароковымъ, Тредьяковскимъ, Тепловымъ и Румовскимъ. Какъ человѣкъ высокаго ума, какъ пламенный патріотъ, Ломоносовъ не могъ не желать, чтобы русская Академія со временемъ пополняла свои ряды изъ собственныхъ сыновъ Россіи; онъ не могъ не гордиться тѣмъ, что самъ, нисколько не уступая никому изъ своихъ сочленовъ въ дарованіяхъ, въ учености и трудолюбіи, былъ природный русскій; но Ломоносовъ уважалъ германскую науку и благодарно сознавалъ все, чѣмъ былъ ей обязанъ. Дружба его съ Гмелиномъ, Рихманомъ, Штелиномъ, Брауномъ, Эйлеромъ и другими доказываетъ, что онъ былъ выше племенныхъ предразсудковъ, несовмѣстныхъ ни съ обширнымъ умомъ, ни съ истиннымъ образованіемъ.

Положеніе Ломоносова въ Академіи много обусловливалось его отношеніями внѣ ея. Обстоятельства сами благопріятствовали сближенію Ломоносова съ дворомъ. Академія, въ первое время своего существованія, несла между прочимъ обязанность поставлять стихи на торжественныя при дворѣ событія. Естественно, что авторъ оды на взятіе Хотина долженъ былъ сдѣлаться какъ бы академическимъ поэтомъ-лауреатомъ. Его оды подносились иногда отъ имени Академіи и слѣдовательно писались по должности. Стихи же на иллюминаціи были всегда сочиняемы по требованіямъ статсъ-конторы, которая присылала въ Академію описаніе иллюминаціи или поручала ей составить и самое описаніе. Но Ломоносовъ и самъ не упускалъ случаевъ поддерживать свои связи посвященіемъ своихъ сочиненій высокимъ лицамъ. Въ такое время, когда блескъ недавняго царствованія Людовика XIV вызывалъ всѣ европейскіе дворы на подражаніе этому государю, появленіе въ Россіи человѣка, подобнаго Ломоносову, не могло не способствовать и у насъ къ сильному развитію меценатства. Кажется, первымъ доброжелателемъ Ломоносова сдѣлался баронъ Черкасовъ,

который, пострадавъ отъ Бирона и бывъ возвращенъ изъ ссылки при Елисаветѣ Петровнѣ, не могъ оставаться равнодушенъ къ произведеніямъ новаго поэта. Вскорѣ Ломоносовъ нашелъ сильнаго покровителя въ вице-канцлерѣ графѣ Михаилѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ, посвятивъ этому вельможѣ свой переводъ «Экспериментальной физики» Вольфа, напечатанный 1746 года.

Въ этомъ же году Академія, наконецъ, получила опять президента: это былъ 18-тилѣтній графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, впослѣдствіи ясновельможный гетманъ Малороссіи. Въ то самое время Ломоносовъ готовился начать въ университетѣ, на русскомъ языкѣ, публичныя лекціи экспериментальной физики. Новый президентъ изъявилъ желаніе присутствовать при открытіи этихъ лекцій, которыя потому и были отложены до возвращенія его въ столицу. Тогда въ Академіи было рѣшено разослать русскія объявленія о нихъ ко двору, въ коллегіи и въ шляхетный сухопутный корпусъ, «такъ какъ, вѣроятно», прибавлено въ опредѣленіи, «многіе любопытные захотятъ послушать этихъ лекцій». Для угожденія слушателямъ Шумахеръ предложилъ, чтобы профессоръ Рихманъ присоединилъ къ лекціямъ опыты электричества, которымъ много занимались тогда любители экспериментальной физики. На эту лекцію президентъ дѣйствительно пріѣхалъ со многими другими почетными лицами.

Сношенія Ломоносова съ Разумовскимъ сохраняли всегда офиціальный характеръ. По всему видно однакожъ, что молодой президентъ высоко цѣнилъ его дарованія. Еще въ 1748 году онъ испросилъ ему награду въ 2,000 руб. при поднесеніи оды на день восшествія Елисаветы на престолъ. Въ то время важнѣйшіе царскіе дни праздновались въ Академіи торжественными собраніями, которыхъ бывало по меньшей мѣрѣ два въ годъ. По случаю смерти профессора Рихмана, убитаго молніей, осеннее собраніе 1753 года было отложено; но Ломоносовъ, приготовившій къ этому дню рѣчь объ электричествѣ, настаивалъ, чтобъ ему позволено было прочесть ее публично еще въ томъ же году, пока она не утратила новизны, и Разумовскій вслѣдствіе того предписываетъ канцеляріи устроить

актъ въ день восшествія на престолъ, «дабы г. Ломоносовъ съ новыми своими произведеніями между учеными въ Европѣ людьми не опоздалъ и чрезъ то трудъ бы его въ учиненныхъ до сего времени электрическихъ опытахъ не пропалъ». Это замѣчательное разсужденіе памятно тѣмъ, что оно при предварительномъ чтеніи въ профессорскомъ собраніи вызвало разныя мнѣнія, отчасти несогласныя съ теоріей Ломоносова; напечатанное послѣ, оно было разослано на обсужденіе ко многимъ иностраннымъ ученымъ, которые въ отзывахъ своихъ, оспаривая гипотезы автора, тѣмъ не менѣе отдавали справедливость его генію.

Хотя Разумовскому и не нравилось, что Ломоносовъ иногда обращался прямо къ нему, помимо канцеляріи, или въ Сенатъ, помимо президента, хотя онъ и не всегда доволенъ былъ формою представленій Ломоносова, однакожъ уважалъ его взгляды, возлагалъ на него важныя порученія и наконецъ, какъ увидимъ, далъ ему исключительное положеніе въ Академіи. Но гораздо болѣе президента помогалъ Ломоносову, даже въ академическихъ дѣлахъ, другой молодой вельможа.

Одновременно съ распространеніемъ славы Ломоносова, при дворѣ Елисаветы сталъ возвышаться молодой человѣкъ пылкой души и свѣтлаго ума. Любовь къ просвѣщенію, страсть къ литературѣ и къ искусствамъ, рѣдкое человѣколюбіе и простосердечіе, соединявшіяся въ И. И. Шуваловѣ съ пламеннымъ патріотизмомъ, не могли остаться безъ важнаго значенія для перваго русскаго писателя той эпохи. Исторія сближенія этихъ двухъ замѣчательныхъ двигателей русскаго образованія неизвѣстна. Въ дѣлахъ Академіи имена ихъ въ первый разъ являются вмѣстѣ по обстоятельству, хотя и ничтожному, но довольно любопытному. Въ сентябрѣ 1749 года камеръ-пажъ Иванъ Шуваловъ былъ удостоенъ званія камеръ-юнкера. При объявленіи о томъ въ академическихъ вѣдомостяхъ новопожалованный былъ названъ безъ отчества; такъ какъ это было противно принятымъ тогда формамъ газетныхъ извѣщеній о придворныхъ производствахъ, то на Академію возстала буря со стороны ея президента, графа Разумовскаго.

Шумахеръ получилъ отъ Теплова грозную бумагу, на-

чинавшуюся словами: «Его сіятельству безмѣрно удивительно, какъ мало подчиненные смотрятъ на свою должность и отправляютъ дѣла свои съ крайнимъ нерадѣніемъ и неосторожностью»; затѣмъ слѣдовало приказаніе отъ имени президента сдѣлать виновнымъ пристойный выговоръ въ канцеляріи, съ угрозою штрафа за ослушаніе командѣ, въ случаѣ повторенія подобнаго проступка. Главнымъ виновникомъ оказался Ломоносовъ, какъ имѣвшій надзоръ за вѣдомостной экспедиціей. На письменное сообщеніе Шумахера онъ отвѣчалъ ему, между прочимъ: «По данной мнѣ отъ академической канцеляріи инструкціи, долженъ я разсматривать только одинъ переводъ россійскій, а до россійскихъ артикуловъ нѣтъ мнѣ никакого дѣла. Ибо оные присылаются отъ канцеляріи въ экспедицію и такъ какъ есть печатаются: затѣмъ въ нихъ я ничего перемѣнять не долженъ, кромѣ погрѣшностей въ россійскомъ языкѣ, а особливо что въ данной мнѣ инструкціи предписано отъ всякихъ умствованій удерживаться». Состоявшіе при редакціи газетъ переводчикъ Лебедевъ и корректоръ Барсовъ, въ свою очередь, отозвались, что они объ отчествѣ Шувалова спрашивали у многихъ, но никто имъ того объявить не могъ. Вся тревога произошла отъ того, что въ указѣ, присланномъ въ Академію Тепловымъ, Шуваловъ былъ названъ только Иваномъ, и что въ вѣдомостяхъ это сообщеніе было перепечатано не какъ указъ, а какъ газетное извѣстіе. Шувалову было тогда только 22 года, но знакомство его съ Ломоносовымъ началось, вѣроятно, ранѣе. По крайней мѣрѣ, по тону посланія, писаннаго въ августѣ 1750 г. и составляющаго первый слѣдъ ихъ взаимныхъ отношеній, можно заключить, что они тогда успѣли уже сблизиться коротко: тутъ Ломоносовъ уже говоритъ запросто: *любезный мой Шуваловъ*. Въ одномъ письмѣ 1753 г. онъ выражаетъ радость о «снисходительствѣ», которымъ пользуется уже *много лѣтъ*.

У потомковъ Шувалова сохранилась драгоцѣнная, неизвѣстная доселѣ рукопись, съ которою мнѣ позволено было ознакомиться [1]): это черновая настольная книга въ листъ, куда

[1]) Она принадлежитъ г. флигель-адъютанту Илларіону Николаевичу Толстому.

молодой Шуваловъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ записывалъ свои мысли, извлеченія изъ разныхъ писателей, особенно французскихъ, также свои собственные опыты въ стихотворныхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Эти поэтическіе опыты любопытны только какъ подтвержденіе преданія, что Шуваловъ писалъ стихи, и вмѣстѣ какъ доказательство, что онъ былъ лишенъ всякой способности къ поэзіи, и даже никогда не могъ овладѣть механизмомъ стиха. Между тѣмъ тутъ же является свидѣтельство, что онъ прибѣгалъ въ этомъ дѣлѣ къ наставленіямъ нашего всеобъемлющаго академика. Въ верху самой первой страницы рукой Ломоносова написанъ стихъ изъ появившейся незадолго передъ тѣмъ первой трагедіи его, съ раздѣленіемъ на стопы и съ означеніемъ долгихъ и краткихъ слоговъ. Это было въ 1752 году, какъ видно изъ помѣты Шувалова подъ слѣдующимъ, уже имъ самимъ написаннымъ въ день своего рожденія четырестишіемъ, которое выражаетъ всю сущность его благородныхъ стремленій. Съ поправками Ломоносова оно читается такъ:

О Боже мой Господь, Создатель всего свѣта!
Сей день Твоею волей я сталъ быть человѣкъ:
Если жизнь моя полезна, продолжай ты мои лѣта;
Если жъ та идетъ превратно, сократи скорѣй мой вѣкъ».

Особенно любопытны далѣе двѣ страницы, на которыхъ рукой Шувалова написанъ конспектъ всей Риторики Ломоносова. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что любознательный вельможа на 26-мъ году учится у своего друга-академика стихосложенію и риторикѣ. Къ сожалѣнію, изъ переписки этихъ двухъ замѣчательныхъ людей намъ извѣстны только письма Ломоносова. Но и изъ нихъ ясно, какое плодотворное участіе въ судьбѣ и дѣятельности его принималъ Шуваловъ.

До самой кончины Елисаветы, Ломоносовъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и затрудненіяхъ обращался къ Шувалову; ему повѣрялъ онъ самыя задушевныя мысли свои, планы, желанія и надежды. За то и Шуваловъ требовалъ часто его мнѣній и совѣтовъ въ важныхъ вопросахъ. Участіе Ломоносова въ великомъ государственномъ и народномъ дѣлѣ основанія московскаго университета несомнѣнно; но, къ сожалѣнію, новые на-

ші матеріалы не доставляютъ по этому предмету никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній.

По вступленіи на престолъ императрицы Екатерины Ломоносовъ пріобрѣлъ ходатая въ князѣ Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ, который, по смерти его, опечаталъ и взялъ къ себѣ всѣ его бумаги; но о бывшихъ между ними сношеніяхъ мало извѣстно.

Въ тѣсной связи съ отношеніями Ломоносова ко двору находится предпріятіе, которое въ послѣднія 15 лѣтъ его жизни составляло одинъ изъ главныхъ интересовъ ея. Это было мозаическое искусство. Чтобы понять страстное увлеченіе, съ какимъ Ломоносовъ предался этому дѣлу, мы должны прежде всего вспомнить, что онъ, во время пребыванія за границею, обязанъ былъ между прочимъ «учиться прилежно рисованію» и усвоилъ себѣ это искусство съ обычною своею легкостью, какъ показываетъ рисунокъ, присланный имъ изъ Марбурга въ 1737 г. при письмѣ къ президенту. Живопись не вполнѣ удовлетворяла его по непрочности своихъ красокъ: онъ предпочиталъ ей мозаику. По словамъ его, химія употребила для нея главное орудіе своего искусства и, соединивъ твердые минералы со стекломъ въ великомъ жару, произвела вещества, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ сохраняютъ всю свѣжесть своихъ цвѣтовъ и красоту. Такимъ образомъ мозаика, употребленіемъ стекла вмѣсто камней, стала въ зависимость отъ химіи.

Эта связь искусства съ наукою, возможность примѣнить свою любимую химію къ практической пользѣ общества вдругъ воспламенили Ломоносова къ новой дѣятельности. Геній его, сочувствуя всему великому и несокрушимому, видѣлъ въ мозаикѣ орудіе къ украшенію монументальныхъ созданій зодчества вѣковѣчными изображеніями великихъ дѣятелей отечества. Сверхъ того онъ имѣлъ въ виду, распространеніемъ въ Россіи этого искусства, вызвать новую отрасль промышленности и торговли, новый важный источникъ приращенія государственныхъ доходовъ. Первая мысль заняться приготовленіемъ разноцвѣтныхъ стеколъ для этого рода живописи была внушена ему Воронцовымъ, который, возвратясь изъ чужихъ краевъ, гдѣ провелъ 1745 и 1746 годы, показалъ Ломоносову при-

везенныя имъ изъ Италіи мозаическія работы, въ томъ числѣ подаренное ему папой изображеніе апостола Петра, и совѣтовалъ приняться за это искусство.

Надобно прибавить, что въ началѣ 18-го столѣтія въ Римѣ возникла мозаическая школа, которая, облегчивъ эту отрасль живописи введеніемъ стеклянныхъ составовъ, много способствовала къ ея усовершенствованію и къ возвышенію ея въ понятіяхъ вѣка.

Въ 1750 году Ломоносовъ началъ готовить въ своей лабораторіи разноцвѣтныя стекла. Академія, какъ видно изъ протоколовъ, не отказывала ему въ своемъ содѣйствіи по этому дѣлу; но при тогдашнемъ порядкѣ ея управленія и необходимости искать на каждомъ шагу разрѣшенія канцеляріи, онъ не могъ не встрѣчать докучныхъ замедленій въ ходѣ своихъ работъ, и сюда-то относится его жалоба Шувалову: «За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подъячимъ кланяться, чего я право весьма стыжусь, а особливо имѣя такихъ какъ вы патроновъ.» Между тѣмъ дѣло однакожъ подвигалось. Воронцовъ взялся показать Императрицѣ пробы его мозаическихъ составовъ, а вскорѣ послѣ того, наканунѣ дня ангела Елисаветы, Ломоносовъ удостоился лично поднести ей сдѣланный имъ съ итальянскаго оригинала образъ Богоматери. Сначала онъ думалъ только склонить правительство къ приготовленію на казенныхъ заводахъ мозаическихъ стеколъ и предлагалъ свои услуги для обученія тому мастеровъ. Но видя, что дѣло это не обѣщаетъ успѣха, онъ рѣшился самъ присоединить къ своимъ трудамъ обширное промышленное предпріятіе. При помощи Шувалова и Воронцова ему разрѣшено было учредить, какъ сказано въ бумагѣ: «фабрику разноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисеру, пронизокъ и стеклярусу и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, чего еще нынѣ въ Россіи не дѣлаютъ, но провозятъ изъ за моря великое количество на многія тысячи, а онъ, Ломоносовъ, съ помощію Божіею, можетъ на своей фабрикѣ, когда она учредится, дѣлать помянутыхъ товаровъ не только требуемое здѣсь количество, но и со временемъ такъ размножить, что и за море оные отпускать можно будетъ.»

Но безъ особыхъ пособій Ломоносовъ не могъ бы осуществить своей мысли, и вотъ ему назначено въ ссуду, на 5 лѣтъ безъ процентовъ, 4,000 руб., фабрика его освобождена на 10 лѣтъ отъ платежа пошлинъ, и ему, «какъ первому въ Россіи тѣхъ вещей секрета сыскателю», дана привилегія на 30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ никто другой не могъ завести такой же фабрики. Но самою важною милостью для Ломоносова было то, что Императрица пожаловала ему нѣсколько дачъ съ 211 душъ крестьянъ, для производства фабричныхъ работъ. Эти дачи, между которыми главныя были мызы *Коровалдай* (въ грамотѣ *Горья Валдай*) и деревня *Устьрудицы*, находятся за Ораніенбаумомъ, верстахъ въ 70 отъ Петербурга, въ прежнемъ Копорскомъ уѣздѣ, и принадлежатъ до сихъ поръ потомкамъ Ломоносова по женской линіи [1]). Онъ получилъ эти имѣнія въ 1753 году, и тогда же приступилъ къ постройкѣ фабрики, на которой вскорѣ и начались работы.

Довольствуясь сначала частными заказами, дѣлая портреты для Шуваловыхъ и другихъ знатныхъ особъ, онъ вскорѣ увидѣлъ необходимость казенныхъ работъ и возымѣлъ мысль дать своей мозаикѣ значеніе государственное украшеніемъ, съ ея помощью, церквей и другихъ публичныхъ зданій; для первыхъ онъ предлагалъ дѣлать образа, для послѣднихъ — портреты государей, особливо Петра Великаго; а также вызывался изобразить восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы. Вслѣдствіе поданной имъ объ этомъ просьбы, повелѣно было разсмотрѣть его мозаическія работы, и Академія Художествъ одобрила ихъ самымъ лестнымъ для Ломоносова свидѣтельствомъ, въ которомъ она съ удивленіемъ признаетъ, что первые опыты мозаики, безъ настоящихъ мастеровъ и безъ наставленія, въ такое малое время такъ далеко доведены, и поздравляетъ Россію съ быстрыми успѣхами этого искусства.

На основаніи такого отзыва приказано было давать Ломоносову учениковъ по его выбору, и вмѣстѣ съ тѣмъ казеннымъ вѣдомствамъ предписано призывать Ломоносова для украшенія мозаикой публичныхъ зданій. Почти одновременно

[1]) Николаю Михайловичу Орлову и гг. Раевскимъ.

(въ февралѣ 1758) возникъ, по его старанію, проектъ художественнаго произведенія, который обѣщалъ ему обширное приложеніе его искусства и долженъ былъ тѣмъ болѣе занимать его, что дѣло шло о прославленіи любимаго его героя. Это была первая идея памятника Петру Великому. Предполагалось воздвигнуть ему монументъ надъ самою его гробницею въ Петропавловскомъ соборѣ, и по докладу графа Петра Ивановича Шувалова, Ломоносову поручалось сдѣлать къ этому монументу на стѣнахъ мозаическія картины. Число всѣхъ этихъ картинъ съ изображеніемъ подвиговъ Петра Великаго должно было простираться до 8; но Ломоносовъ успѣлъ окончить только одну изъ нихъ, изображающую Петра Великаго на конѣ въ Полтавскомъ бою, а также Шереметева, Меншикова и Голицына. Слѣдующая затѣмъ картина должна была представлять взятіе Азова; но онъ только началъ ее. Первая же, имѣющая весьма обширные размѣры (3 саж. ширины и 2½ вышины), сохранилась, хотя и не вполнѣ невредимо, въ Академіи Художествъ.

Въ связи съ предпріятіями Ломоносова по мозаикѣ находился его планъ послать отъ Академіи въ старинные русскіе города живописца, который бы во всѣхъ церквахъ, гдѣ есть на стѣнахъ или на гробницахъ изображенія царственныхъ лицъ, снялъ съ нихъ водяными красками копіи, для составленія по возможности полнаго собранія портретовъ русскихъ государей. По представленію объ этомъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ, Святѣйшій Синодъ въ началѣ 1761 года сдѣлалъ согласное съ тѣмъ распоряженіе по указаннымъ Ломоносовымъ епархіямъ; однакожъ, сколько извѣстно, дѣло не получило дальнѣйшаго хода.

До какой степени мозаика занимала Ломоносова, выражается во многихъ сочиненіяхъ его. Сюда относятся особенно его рѣчь о пользѣ химіи и посланіе о пользѣ стекла. Въ первой онъ показываетъ родство мозаики съ химіей, которая, по словамъ его, «широко распростираетъ руки свои въ дѣла человѣческія»; въ посланіи къ Шувалову онъ дополняетъ то, что въ рѣчи не досказано о разнообразномъ употребленіи стекла. Это посланіе имѣетъ, очевидно, полемическое назначеніе. Анек-

дотъ, будто оно написано по тому поводу, что однажды на обѣдѣ у Шувалова кто-то издѣвался надъ стеклянными пуговицами на фракѣ Ломоносова, едва ли объясняетъ происхожденіе этихъ стиховъ. Шутка надъ его одеждой не могла такъ сильно задѣть его, какъ толки лицъ, которыя вообще старались уронить его новую дѣятельность, и о которыхъ онъ въ самомъ началѣ посланія говоритъ:

«Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ».

Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ и Тредьяковскій, который позже, въ небольшой статьѣ своей о мозаикѣ[1]), называетъ стекло «вещью подлою и дешевою для предивныхъ работъ» и показываетъ невозможность воспроизводить «камешками и стеклышками» всѣ красоты, изображаемыя кистью.

Такія порицанія не могли ослабить дѣятельности Ломоносова. Особенную цѣну, въ глазахъ его, придавали стеклу новыя открытія относительно электрической силы въ воздушныхъ явленіяхъ и возможности отвращать удары молніи громовымъ отводомъ. Въ концѣ посланія онъ говоритъ:

Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
Что та же сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ стекла движеніемъ исходитъ,
Что, зная правила изысканны стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ....
Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.
Я, слѣдуя за ней, съ парнасскихъ горъ схожу:
На время ко стеклу всю силу приложу.

Гораздо существеннѣе непріязненныхъ толковъ были для Ломоносова, въ его предпріятіи, тѣ матеріальныя трудности, съ которыми онъ принужденъ былъ бороться при скудныхъ денежныхъ средствахъ, при безпрестанномъ недостаткѣ мастеровыхъ и работниковъ, при множествѣ другихъ разнородныхъ

---

[1]) Въ первый разъ напечатанной въ *Трудолюбивой пчелѣ*, Сумарокова, Ч. I, стр. 353.

обязанностей и занятій. Съ 1760 года, когда рѣшено было сооруженіе монумента Петру Великому, Ломоносову выдавалось 13,460 руб. въ годъ; но такъ какъ онъ, почти совершенно оставивъ собственно-фабричныя производства для мозаическаго дѣла, вошелъ въ долги, простиравшіеся до такой же суммы, то ему позволено было часть ассигнованныхъ денегъ употреблять на уплату этихъ долговъ. Это объясняетъ намъ тѣ жалобы на препятствія, на разореніе и т. п., которыя такъ часто встрѣчаются въ письмахъ Ломоносова, когда рѣчь идетъ о его фабрикѣ.

Мозаическія занятія Ломоносова примыкаютъ къ его трудамъ по химіи, физикѣ и металлургіи.

Важнѣйшія изъ ученыхъ произведеній его изложены въ формѣ рѣчей, читанныхъ имъ въ публичныхъ собраніяхъ Академіи. Не только въ нихъ, но и въ другихъ научныхъ трудахъ, Ломоносовъ, по самой природѣ своей, по живости своего ума и сочувствію къ практической сторонѣ всякаго знанія, является совершенно своеобразнымъ въ изложеніи. Посреди самыхъ высокихъ предметовъ и глубокихъ соображеній науки онъ облекаетъ свои мысли въ образы, прибѣгаетъ къ примѣрамъ изъ вседневнаго быта, иногда не пренебрегаетъ даже шуткою и заимствуетъ выраженія изъ простонародной рѣчи. Потому его труды въ этомъ родѣ, независимо отъ своего значенія для исторіи науки, важны также какъ памятники литературы и языка.

Со стороны ихъ внутренняго содержанія, насъ прежде всего поражаетъ изумительная дѣятельность духа Ломоносова. Его опыты и наблюденія безчисленны, его пытливый умъ не знаетъ отдыха. О томъ же свидѣтельствуютъ и протоколы Академіи, въ которыхъ безпрестанно упоминается объ изобрѣтенныхъ имъ новыхъ машинахъ и снарядахъ, о заказахъ, дѣлаемыхъ по его требованіямъ то механику, то столяру, то оптику. Всѣ вопросы естествовѣдѣнія, волнующіе современный ему міръ, проходятъ чрезъ его сознаніе, рѣшаются имъ самостоятельно, оригинально и нерѣдко съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Само собою разумѣется, что и онъ, какъ всякій дѣятель, ограниченъ предѣлами своего вѣка, стѣсненъ современнымъ состояніемъ науки. Особенно химія находилась тогда еще на

низкой степени развитія. Естественно по этому, что Ломоносовъ не всегда былъ счастливъ въ своихъ гипотезахъ; но, сравнивая его догадки со множествомъ другихъ, которыя безпрестанно возникали въ этотъ вѣкъ гипотезъ, мы невольно изумляемся проницательности и могучей логикѣ Ломоносова. Его теоріи волнообразнаго теченія свѣта и образованія цвѣтовъ посредствомъ совмѣщенія частицъ не оправдались; но за то, какъ замѣчательно все сказанное имъ о происхожденіи электричества въ воздухѣ, о молніи и зарницѣ, о развитіи тепла посредствомъ вращательнаго движенія частицъ, о происхожденіи горъ отъ подъема земли силою огня, объ образованіи мѣсторожденій металловъ отъ землетрясеній, о возможности опредѣлять законы измѣненія погоды, и какъ близко къ истинѣ подошелъ онъ въ объясненіи сѣвернаго сіянія, въ которомъ онъ видѣлъ также явленіе электричества! Какой свѣтлый и глубокій умъ отражается въ его географическихъ воззрѣніяхъ! Для разбирающаго ученые труды Ломоносова важенъ особенно тотъ путь, которому онъ слѣдовалъ, говоря: «изъ наблюденій установлять теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія есть лучшій изъ всѣхъ способъ изъясненія природы».

Самый правдивый приговоръ о подобныхъ трудахъ Ломоносова, приговоръ, который, кажется, можно подписать еще и теперь, произнесъ опять Эйлеръ. Ознакомясь съ рѣчью Ломоносова о явленіяхъ воздушныхъ, онъ писалъ: «Сочиненіе г. Ломоносова по этому предмету прочиталъ я съ величайшимъ удовольствіемъ. Способъ, какимъ онъ объясняетъ столь внезапно наступившій холодъ, приписывая его нисхожденію верхняго воздуха въ атмосферу, считаю я совершенно вѣрнымъ, и я недавно самъ ясно доказалъ справедливость подобныхъ доводовъ, изъ ученія о равновѣсіи атмосферы. Прочія его предположенія столько же остроумны, какъ и правдоподобны, и обличаютъ въ авторѣ счастливое умѣнье расширять предѣлы истиннаго познанія природы, чему онъ уже и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ представилъ прекрасные образцы. Нынче такіе геніи весьма рѣдки; по большей части останавливаются на одникъ опытахъ и не хотятъ даже разсуждать о нихъ, или впадаютъ въ такія нелѣпыя разсужденія, которыя

противорѣчатъ всѣмъ началамъ здраваго естествоученія. Его предположенія имѣютъ тѣмъ болѣе цѣны, что они придуманы удачно и правдоподобны; дѣло не въ томъ, чтобы всѣ они были вполнѣ доказаны, ибо дальнѣйшее изслѣдованіе, согласны ли они съ истиною, или нѣтъ, именно и ведетъ къ желаемой цѣли. Все, что мы теперь достовѣрно знаемъ изъ физики, было прежде облечено въ догадки, и если бъ никогда не допускались догадки, даже и ошибочныя, то мы бы не добыли ни одной истины.»

Ученые труды Ломоносова доставили ему европейскую извѣстность; но онъ не избѣгъ общей участи всѣхъ, выступающихъ на арену публичности: къ похваламъ примѣшивались иногда строгія обвиненія. Особенно извѣстна статья, напечатанная противъ него въ 1754 году въ лейпцигскомъ ученомъ журналѣ. Это—разборъ нѣкоторыхъ физическихъ разсужденій его, помѣщенныхъ въ Новыхъ Комментаріяхъ Академіи Наукъ. На эту критику впечатлительный Ломоносовъ жаловался Эйлеру, который, вслѣдствіе того, отозвался въ Академію: «Ломоносовъ писалъ ко мнѣ по поводу нелѣпаго разбора его сочиненій; меня это дѣло не удивляетъ: я уже привыкъ къ тому, что всѣ мои сочиненія и изданія Берлинской академіи жестоко отдѣлываются лейпцигскими и гамбургскими рецензентами. Волноваться изъ-за этихъ людей значило бы терять по-пустому время, тѣмъ болѣе, что они еще чванятся, когда видятъ, что на нихъ досадуютъ.» Вскорѣ послѣ того, Ломоносовъ и самъ получилъ по этому предмету письмо отъ Эйлера. «Несправедливость и тонъ нѣмецкихъ газетчиковъ», такъ выражается знаменитый математикъ, «мнѣ очень хорошо извѣстны и нисколько меня не трогаютъ. Я смѣюсь, видя, какъ они бранятся и унижаютъ прекраснѣйшія сочиненія. Безъ сомнѣнія, они думаютъ прославиться, становясь судьями, или по крайней мѣрѣ надѣются обмануть незнающихъ, и, говоря рѣшительнымъ тономъ о предметахъ вовсе имъ неизвѣстныхъ, хотятъ блеснуть мнимою ученостью. Они не разъ называли пустяками самыя серьезныя вещи. По моему мнѣнію, надобно презирать подобныя статьи; такимъ жалкимъ писакамъ было бы слишкомъ мно-

го чести, если бъ они увидѣли, что ихъ неправдами оскорбляются.»

Ломоносовъ напечаталъ это письмо безъ вѣдома Эйлера, который выразилъ на то свое неудовольствіе. Но Ломоносовъ этимъ не ограничился: онъ написалъ по-латыни возраженіе на лейпцигскую рецензію и послалъ свою антикритику въ Амстердамъ къ Формею, который и напечаталъ ее, во французскомъ переводѣ, въ своемъ журналѣ «Nouvelle Bibliothèque germanique». Въ перечнѣ своихъ занятій за 1755 годъ Ломоносовъ, между прочимъ, показалъ «диссертацію *о должности журналистовъ*, въ которой опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ его диссертацій, а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ» и пр. Главную часть этой до сихъ поръ неизвѣстной статьи составляетъ опроверженіе мнѣній нѣмецкаго критика; но для насъ гораздо любопытнѣе введеніе ея, по которому и дано ей заглавіе: «Dissertation sur les devoirs des journalistes» и проч. Здѣсь чрезвычайно интересенъ взглядъ Ломоносова на однородную, по его мнѣнію, задачу академій и журналовъ противодѣйствовать распространенію ложныхъ свѣдѣній писателями, которые въ авторствѣ видятъ только ремесло и средство къ пропитанію. «Академіи, прежде изданія сочиненій своихъ членовъ», говоритъ Ломоносовъ, «подвергаютъ ихъ строгому разсмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы никто не выдавалъ простыхъ гипотезъ за доказанныя истины или стараго за новое». Что касается до журналовъ, то они обязаны представлять отчетливыя и вѣрныя *сокращенія* появляющихся трудовъ, присоединяя къ тому иногда безпристрастное сужденіе либо о самой сущности предмета ихъ, либо о какихъ нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ исполненію; цѣль и польза такихъ извлеченій состоитъ въ быстрѣйшемъ распространеніи въ литературѣ свѣдѣній о новыхъ книгахъ.

Очень замѣчателенъ этотъ взглядъ Ломоносова на назначеніе журналовъ. Имъ объясняется и идея изданія, которое съ 1748 года нѣсколько лѣтъ выходило при нашей Академіи, подъ заглавіемъ: *Содержаніе ученыхъ разсужденій.* Окончимъ нашу

выписку изъ статьи Ломоносова о должности журналистовъ: «Излишне было бы показывать здѣсь, какъ много услугъ оказали Академіи своими прилежными трудами и учеными мемуарами; какъ усилился и распространился свѣтъ истины съ тѣхъ поръ, какъ возникли эти полезныя учрежденія. Журналы также могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, если бъ издатели были въ состояніи выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей. Способность и воля—вотъ чего отъ нихъ требуютъ. Способность нужна для того, чтобы основательно и съ знаніемъ дѣла обсуждать ту массу разнородныхъ предметовъ, которая входитъ въ ихъ планъ: воля — чтобъ, не имѣя въ виду ничего иного, кромѣ истины, нисколько не поддаваться предразсудкамъ и страстямъ. Тѣ, которые присвоили себѣ званіе журналистовъ безъ такого дарованія и расположенія, не сдѣлали бы этого, если бъ, какъ было ужъ замѣчено, ихъ не подстрекнулъ къ тому голодъ и не заставилъ ихъ судить и толковать о томъ, чего они не разумѣютъ. Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалилъ и не превознесъ какой нибудь журналъ, и наоборотъ, какъ бы превосходенъ ни былъ трудъ, его непремѣнно очернитъ и растерзаетъ какой нибудь ничего не знающій или несправедливый критикъ. Послѣ того, количество журналовъ до того умножилось, что уже некогда было бы читать книги полезныя и нужныя или самому думать и трудиться, если бъ кто захотѣлъ собирать у себя и только перелистывать Эфемериды, Ученыя газеты, Литературныя записки, Библіотеки, Комментаріи и другія періодическія изданія этого рода. Потому разсудительные читатели и держатся только такихъ журналовъ, которые признаны за лучшіе, и оставляютъ въ сторонѣ тѣ жалкія компиляціи, которыя только переписываютъ или искажаютъ сказанное другими, и которыхъ вся заслуга въ томъ, что они, не стѣсняясь ничѣмъ, расточаютъ желчь и ядъ. Журналистъ ученый, проницательный, справедливый и скромный — это что-то въ родѣ феникса». Послѣ этого вступленія слѣдуютъ очень рѣзкія возраженія критику; статья кончается наставленіемъ въ 7-ми пунктахъ, которые Ломоносовъ совѣ-

тусть затвердить какъ лейпцигскому журналисту, такъ и всѣмъ его собратьямъ.

Великихъ результатовъ для науки ожидалъ Эйлеръ отъ Ломоносова, и, по геніальнымъ способностямъ нашего академика, эти ожиданія могли бы исполниться несравненно въ бо́льшей мѣрѣ, если бъ онъ, по положенію своему, не былъ поставленъ въ необходимость раздроблять свою дѣятельность, занимаясь одновременно множествомъ разнородныхъ предметовъ. Съ самаго возвращенія въ Россію онъ по должности сдѣлался придворнымъ поэтомъ; по должности преподавателя, онъ составилъ Риторику и Грамматику. Одной мозаикѣ онъ предался совершенно свободно, хотя и вслѣдствіе тѣсной связи ея съ химіей.

Въ концѣ сентября 1750 года, въ канцелярію Академіи Наукъ пришла слѣдующая бумага отъ президента: «Ея Императорское Величество изустнымъ своимъ именнымъ указомъ изволила мнѣ повелѣть, чтобы профессорамъ Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи и о томъ имъ объявить въ канцеляріи.» Отсюда видно, что до сихъ поръ ошибочно думали, будто Ломоносовъ вступилъ на драматическое поприще единственно изъ соперничества съ Сумароковымъ. Послѣдній сдѣлался невиннымъ поводомъ къ порученію Императрицы: незадолго передъ тѣмъ возникъ съ его помощію русскій придворный театръ; нужно было увеличить репертуаръ новой сцены, и къ кому же было обратиться за этимъ, какъ не къ двумъ русскимъ академикамъ-писателямъ, изъ которыхъ одинъ особенно считался мастеромъ на всѣ руки? И Ломоносовъ исполнилъ приказаніе съ удивительною быстротою: ровно черезъ мѣсяцъ заказаны виньеты для трагедіи *Тамира* и *Селимъ;* въ началѣ ноября рѣчь идетъ уже объ отдачѣ ея въ переплетъ, а въ 1751 году она поставлена на сцену. Осенью слѣдующаго года въ академической типографіи печатается день и ночь вторая трагедія Ломоносова *Демофонтъ.* Около того же времени, по волѣ Императрицы и настоянію Шувалова, онъ долженъ былъ заняться составленіемъ Россійской Исторіи. Химикъ, поэтъ, ораторъ, филологъ и драматургъ долженъ былъ вдругъ сдѣлаться еще и историкомъ. Нельзя отвергать, что всѣ эти

разнообразные труды Ломоносова имѣли свое значеніе для возникавшей литературы; но понятно, какъ они должны были отвлекать его отъ науки. И онъ самъ это чувствовалъ: въ рѣчи о происхожденіи свѣта, произнесенной въ 1756 году, изложивъ свою теорію цвѣтовъ, онъ говоритъ: «Къ ясному всего истолкованію необходимо нужно предложить всю мою систему физической химіи, которую совершить и сообщить ученому свѣту препятствуетъ мнѣ любовь къ россійскому слову, къ прославленію россійскихъ героевъ и къ достовѣрному изысканію дѣяній нашего отечества». Такъ же точно онъ, года за два передъ тѣмъ, въ письмѣ къ Эйлеру, извиняясь, что давно не писалъ къ нему, говорилъ: «Я принужденъ играть здѣсь роль не только поэта, оратора, химика и физика, но теперь почти совершенно превращаюсь въ историка.» И затѣмъ онъ исчисляетъ начатыя имъ физическія изслѣдованія, отъ которыхъ русскія древности его отвлекаютъ.

Ученымъ занятіямъ Ломоносова нанесенъ былъ еще больщій ударъ, когда въ началѣ 1757 года гр. Разумовскій, уѣзжая въ Малороссію, назначилъ его, вмѣстѣ съ Таубертомъ, членомъ канцеляріи въ помощь одряхлѣвшему Шумахеру, а черезъ годъ поручилъ ему надзоръ за всею ученою и учебною частью въ Академіи — за профессорскимъ собраніемъ, за географическимъ департаментомъ, также за университетомъ и гимназіею. По всѣмъ ввѣреннымъ ему отдѣламъ Ломоносовъ принялся дѣйствовать съ свойственною ему энергіей; но особенныя заботы посвятилъ онъ университету и гимназіи, которые находились въ жалкомъ положеніи. Ломоносовъ немедленно началъ въ нихъ преобразованія. Онъ испросилъ сумму на расходы по учебной части, написалъ инструкцію для учащихся, увеличилъ ихъ число и улучшилъ содержаніе, завелъ регулярные экзамены, требовалъ отъ каждаго профессора краткой программы его науки, составилъ новый регламентъ и штатъ для университета и гимназіи и настоялъ на покупкѣ особаго дома для помѣщенія ихъ. Успѣхъ всѣхъ этихъ мѣръ былъ такъ дѣйствителенъ и очевиденъ, что въ началѣ 1760 года оба заведенія были отданы ему въ полное завѣдываніе безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Любопытно видѣть крутыя мѣ-

ры, которыя онъ иногда принималъ для наказанія или удаленія негодныхъ учениковъ или преподавателей. Одно изъ главныхъ средствъ къ возвышенію академическаго университета Ломоносовъ видѣлъ въ томъ, чтобы открыть его *торжественною инавгурацiей* и издать его *привилегiею*, давъ ему устройство европейскихъ университетовъ, съ ректоромъ въ главѣ его, съ раздѣленіемъ на факультеты, съ производствомъ въ степени. Словомъ, онъ хотѣлъ поставить университетъ петербургской Академіи на одну ногу съ московскимъ.

Менѣе успѣшны были старанія Ломоносова по географическому департаменту. Всего болѣе помышлялъ онъ объ изданіи новаго, исправнѣйшаго атласа Россіи и предлагалъ для этого рядъ мѣръ, доказывающихъ глубокое пониманіе дѣла и практическій взглядъ, которымъ Ломоносовъ опережалъ свое время. Вслѣдствіе его предложенія были разосланы географическіе вопросы, для вѣрнѣйшаго отличенія большихъ селеній отъ малыхъ истребовано показаніе числа душъ въ каждой деревнѣ, также истребованы свѣдѣнія о всѣхъ церквахъ и монастыряхъ, и такимъ образомъ составлено до 10 спеціальныхъ картъ несравненно полнѣе и исправнѣе прежнихъ. Особенно важнымъ считалъ Ломоносовъ отправленіе географическихъ экспедицій въ разныя мѣстности Россіи, для опредѣленія градусовъ, и усердно дѣйствовалъ къ осуществленію этого плана; но вслѣдствіе разныхъ препятствій, особенно равнодушія «недоброхотовъ россійскихъ наукъ», онъ остался безъ исполненія, такъ же какъ и многіе другіе замѣчательные проекты его, какъ-то: изданіе ученыхъ вѣдомостей, изданіе внутреннихъ русскихъ вѣдомостей, собираніе минераловъ, составленіе экономическаго словаря, учрежденіе государственной коллегіи земскаго домостройства и пр. Счастливѣе былъ только одинъ составленный имъ проектъ экспедиціи въ Ледовитый океанъ, для открытія сѣверо-восточнаго пути: этотъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе, вскорѣ послѣ его смерти, двукратнымъ плаваніемъ Чичагова, не имѣвшимъ впрочемъ никакихъ результатовъ.

Но всего болѣе вниманія Ломоносовъ обращалъ на самый близкій для него предметъ — на устройство и управленіе самой Академіи. Онъ уже скоро послѣ опредѣленія своего началъ вы-

сказывать свои мысли о необходимыхъ въ Петербургской Академіи преобразованіяхъ и, будучи знакомъ съ подробностями организаціи заграничныхъ академій, не переставалъ до самой смерти своей дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Впослѣдствіи ему не разъ поручаемо было излагать свои предположенія на письмѣ, и наконецъ онъ вмѣстѣ съ Таубертомъ получилъ приказаніе президента составить проектъ новаго регламента Академіи. То, что Ломоносовъ въ разное время написалъ по этому предмету, составляетъ цѣлую массу бумагъ, важныхъ и какъ существенный матеріалъ для исторіи Академіи и какъ собраніе замѣчательныхъ взглядовъ его на этотъ предметъ. Какъ судья въ собственномъ дѣлѣ, Ломоносовъ, при своей раздражительной и пылкой натурѣ, является, конечно, не всегда безпристрастнымъ, и сообщенія его требуютъ осторожной критики; но тѣмъ не менѣе вездѣ отражается печать той же проницательности, того же всеобъемлющаго ума, какіе мы привыкли видѣть во всѣхъ произведеніяхъ Ломоносова. Тутъ предугаданы многія потребности Академіи, впослѣдствіи ясно сознанныя и принятыя правительствомъ во вниманіе. Вотъ какъ онъ, напримѣръ, понималъ роль Россіи въ отношеніи къ изученію восточныхъ языковъ: «Въ европейскихъ государствахъ, которыя ради отдаленія отъ Азіи меньше сообщенія съ оріентальными народами имѣютъ нежели Россія по сосѣдству, всегда бываютъ при университетахъ профессоры оріентальныхъ языковъ. Въ академическомъ статѣ о томъ не упоминается затѣмъ, что тогда профессора оріентальныхъ языковъ не было, хотя по сосѣдству не токмо профессору, но и цѣлой оріентальной академіи быть полезно.» Въ извлеченіи изъ статьи Ломоносова о должности журналистовъ мы уже видѣли, въ чемъ онъ отчасти полагалъ назначеніе академій. Его взглядъ на нихъ выразился еще яснѣе въ одной изъ упомянутыхъ записокъ. «Учрежденіе Императорской Академіи Наукъ, говоритъ онъ, простирается не токмо къ пріумноженію пользы и славы цѣлаго государства, но и къ приращенію благополучія всего человѣческаго рода, которое отъ новыхъ изобрѣтеній происходитъ и по всему свѣту расширяется, о чемъ внѣшнія академіи довольно свидѣтельствуютъ.» Любопытно также, какъ онъ смотрѣлъ на званіе

академика: «Академики, пишетъ онъ, не суть художники, но государственные люди и въ политическихъ народахъ имѣютъ засѣданія по коллегіямъ и другимъ мѣстамъ присутственнымъ, отчего въ дѣлахъ вящщее послѣдуетъ просвѣщеніе».

Къ числу самыхъ замѣчательныхъ проектовъ Ломоносова относятся также и разныя предположенія его, высказанныя при письмѣ къ И. И. Шувалову—въ запискѣ «о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа». Содержаніе этой записки исполнено величайшей важности для Россіи. Почти все, что здѣсь изложено, сохраняетъ до сихъ поръ значеніе глубокихъ истинъ, потому что это плодъ короткаго знакомства съ бытомъ народа и съ его нуждами, и вмѣстѣ плодъ великаго ума. Понимая, что одно изъ главныхъ условій величія, могущества и богатства государствъ заключается въ обильномъ народонаселеніи, онъ придумываетъ средства противъ зла «тщетной обширности» Россіи. Приступая къ тому, онъ проситъ Шувалова извинить его, что онъ касается такихъ важныхъ вопросовъ изъ усердія, «которое не позволяетъ ему ничего полезнаго обществу оставить подъ спудомъ.»

Затѣмъ онъ указываетъ на браки въ слишкомъ молодые годы или безъ взаимнаго согласія, на постриженіе слишкомъ молодыхъ вдовыхъ священниковъ въ монахи, на разные обычаи, происходящіе отъ суевѣрія, на слишкомъ крутые переходы отъ постной пищи къ скоромной и на оборотъ, на недостатокъ медиковъ и аптекъ въ народѣ и войскѣ, на общую безпечность русскаго народа. Между предлагаемыми имъ средствами къ пріумноженію населенія особеннаго вниманія заслуживаютъ: учрежденіе богадѣленныхъ домовъ для подкидываемыхъ младенцевъ, изданіе и продажа при всѣхъ церквахъ книжекъ съ наставленіями о народномъ здравіи, далѣе межеваніе и основаніе колоній. Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ исчисленныхъ здѣсь мѣръ были осуществлены вскорѣ послѣ этого письма, относящагося къ 1-му ноября 1761 г., и не невозможно, что дѣйствія правительства въ этомъ случаѣ были въ нѣкоторой связи съ мыслями Ломоносова.

Какъ ни многочисленны упомянутые мною труды Ломоносова, какъ ни много уже сказано мною о немъ, но я не успѣлъ

еще и коснуться самой ощутительной и прочной его заслуги — образованія русской письменной рѣчи. Онъ первый опредѣлилъ грамматическій строй и лексическій составъ языка. Мало того: онъ же первый заговорилъ тою стихотворною рѣчью, которая одна отвѣчала духу языка и по тому самому, съ перваго же стиха Ломоносова, сдѣлалась вѣчно-живущею формою русской поэзіи. Какъ всякій реформаторъ, Ломоносовъ приступилъ къ своему дѣлу тогда, когда уже въ жизни ощущалась потребность обновленія письменнаго слова, когда мысль о томъ занимала уже многихъ. Кантемиръ чувствовалъ возможность мѣрнаго стиха, Тредьяковскій понималъ его необходимость; но на что у Кантемира не стало предпріимчивости, а у Тредьяковскаго — таланта, то совершилъ смѣлый мастеръ слова, едва взялъ перо въ руки. Какъ рѣдокъ филологическій даръ, которымъ онъ обладалъ, видно лучше всего изъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей: передъ ними были уже образцы; казалось бы, стоило только пользоваться этими образцами — и что же? Не только современные, но и жившіе послѣ него писатели выражались и въ стихахъ и въ прозѣ гораздо хуже Ломоносова, который руководствовался однимъ собственнымъ смысломъ и тактомъ. Не говоря уже о Тредьяковскомъ и Сумароковѣ, съ намѣреніемъ шедшихъ *своимъ* путемъ и только доказавшихъ этимъ свое неумѣніе, другіе, признававшіе Ломоносова своимъ учителемъ, все таки не могли сравняться съ нимъ, и не прежде какъ лѣтъ черезъ 20-ть послѣ его смерти русскій письменный языкъ пошелъ замѣтнымъ образомъ впередъ. Въ наукѣ русскаго слова, въ письменномъ его употребленіи, въ созданіи русскаго стиха—подвигъ Ломоносова живетъ до сихъ поръ и никогда не умретъ. Всѣ трудившіеся послѣ на томъ же поприщѣ, всѣ дальнѣйшіе преобразователи языка, не исключая Карамзина и Пушкина, только продолжали дѣло Ломоносова. Въ его трудахъ можно уже отыскать начатки почти всѣхъ направленій разработки языка: въ нихъ есть уже элементы и сравнительной грамматики, и общаго словаря славянскихъ нарѣчій, и изученія областныхъ говоровъ. Правда, что всѣ эти стороны изслѣдованія языка едва только обозначены у Ломоносова; мы находимъ у него только пред-

чувствіе, а не сознаніе ихъ; но если вспомнимъ время, когда жилъ Ломоносовъ, и общее состояніе тогдашней филологіи, то не будемъ вправѣ отказать въ нашемъ удивленіи человѣку, для котораго языкъ никогда не составлялъ предмета исключительныхъ занятій.

Такова была неистощимость этого богатыря мысли и знанія. Изумляясь разностороннему развитію Ломоносова, невольно спрашиваешь себя: какими путями онъ могъ достигнуть его? Для будущаго значенія его было глубоко знаменательно то обстоятельство, что онъ вышелъ изъ крестьянскаго сословія такой мѣстности, гдѣ населеніе сохранило во всей неприкосновенности могучія силы русскаго народа, гдѣ оно и теперь стоитъ по образованію впереди всѣхъ другихъ частей нашего обширнаго отечества. Вопреки обыкновеннымъ теоріямъ воспитанія, геніальной натурѣ Ломоносова не повредило позднее начало книжнаго ученія. Въ первую молодость ему важнѣе были другія двѣ книги, о которыхъ онъ говоритъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю: первая — видимый сей міръ, Имъ созданный, вторая — священное писаніе». Передъ Ломоносовымъ, отъ ранняго дѣтства его, эти двѣ книги были раскрыты: Природа и Церковь были первыми его наставницами. Природа неизгладимыми чертами напечатлѣла въ душѣ его образъ своего величія; церковь зажгла въ этой избранной душѣ свѣтильникъ, сопровождавшій Ломоносова до конца жизни въ царствѣ науки, въ которой онъ видѣлъ родную сестру вѣры; но церковь же просвѣтила умъ его первыми познаніями, церковь пѣснопѣніями Давида воспламенила духъ его къ поэзіи, наконецъ церковь же, путемъ Московскаго училища, ввела его въ преддверіе науки. Къ счастію Ломоносова, классическое ученіе Спасскихъ школъ поставило его на твердую почву европейской цивилизаціи: оно положило свою печать на всю его умственную дѣятельность, отразилось на его ясномъ и правильномъ мышленіи, на оконченности всѣхъ трудовъ его. Наконецъ высшій университетскій курсъ изъ области естествовѣдѣнія довершилъ его образованіе. Рожденный въ самую горячую эпоху реформъ

Петра Великаго, вскорѣ послѣ Полтавской побѣды, онъ явился какъ будто для того, чтобы доказать собою, къ чему способенъ Русскій, обогащенный плодами европейской науки. Не онъ ли былъ живымъ отрицаніемъ ненавистныхъ Петру Великому *недорослей?* Не онъ ли блистательнѣйшимъ образомъ осуществилъ любимую мысль Петра Великаго объ отправленіи молодыхъ Русскихъ за море для окончанія наукъ? Ломоносовъ былъ полнѣйшимъ воплощеніемъ идеи Петра Великаго объ образованномъ русскомъ человѣкѣ: понятно по этому его благоговѣніе къ Царю-преобразователю. И подобно Петру Великому Ломоносовъ, на всѣхъ путяхъ своего подвижничества, завѣщалъ своимъ соотечественникамъ назидательный примѣръ той неутомимой дѣятельности и энергіи, того упорства въ трудѣ и преслѣдованіи цѣлей, безъ которыхъ ни одна нація, какъ и ни одинъ отдѣльный человѣкъ, не можетъ достигнуть истиннаго величія въ области духа.

Двѣ имѣлъ онъ въ виду святыя цѣли, къ которымъ были направлены всѣ его усилія: Науку и Россію; имъ посвятилъ онъ весь трудъ, всю борьбу своей жизни; ради ихъ только и во имя ихъ искалъ онъ для самого себя успѣха и независимаго положенія. Не одниміъ геніемъ и творчествомъ былъ великъ Ломоносовъ; онъ былъ также великъ своею безграничною любовью къ Россіи, любовью столь горячею, что ей, и только ей одной, уступала даже его любовь къ наукѣ.

Продолжатель Петра Великаго въ дѣлѣ просвѣщенія еще дожилъ до счастливаго вѣка Екатерины II. Она озарила новымъ блескомъ послѣдніе дни Ломоносова: какъ не помянуть великой жены въ годовщину его смерти?

Зная Екатерину, ея любовь къ литературѣ и къ русскому языку, въ которомъ адъюнктъ Адодуровъ былъ ея наставникомъ, можно быть увѣреннымъ, что съ самаго пріѣзда въ Россію она обратила благосклонное вниманіе на Ломоносова. Его оды и похвальныя слова, его учебныя книги и нѣкоторыя академическія рѣчи были конечно прочитаны ею. Есть слѣды того, что Екатерина, еще бывши великой княгиней, удостоивала его и личныхъ сношеній. 15-го мая 1761 г. записано въ протоколѣ: «Ломоносовъ въ присутствіи канцеляріи объя-

вилъ, что по соизволенію великой княгини Екатерины Алексѣевны ему велѣно быть въ тотъ день въ Ораніенбаумъ». По вступленіи ея на престолъ, Ломоносовъ привѣтствовалъ новую Монархиню одою.

Не прошло года, какъ Екатерина взыскала Ломоносова особенною милостью; неизвѣстно по чьему ходатайству (можетъ быть, Дашковой), она возымѣла мысль дать ему пенсію, какъ показываютъ слѣдующія строки къ Ольсуфьеву, замѣчательныя столько же по своему лаконизму, какъ и по великодушной заботливости, въ нихъ выражающейся:

«Адамъ Васильевичъ! Я чаю, Ломоносовъ бѣденъ; сговоритесь съ гетманомъ, не можно ли ему пенсію дать, и скажи мнѣ отвѣтъ.»

Лебединая пѣснь Ломоносова, его послѣдняя ода, которою онъ встрѣтилъ 1764 годъ, опять посвящена Екатеринѣ. Страдая съ давнихъ поръ болѣзнью ногъ, которая часто упоминается въ протоколахъ Академіи, какъ причина его неприсутствія въ засѣданіяхъ, онъ уже предчувствуетъ близкій конецъ, говоритъ о «преклонности своего вѣка, о гонящемъ въ гробъ недугѣ». Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предчувствуетъ и величіе новаго царствованія:

На тронъ взошла Екатерина
Не токмо, чтобъ себя спасти,
Но чтобъ Россіянъ вознести....

24-го мая того же года записано въ протоколѣ: «Разсуждаемо было о публичномъ собраніи (по случаю дня восшествія на престолъ, 28-го іюня), и Ломоносовъ выразилъ увѣренность, что Императрица, такъ же какъ и въ прошломъ году, удостоитъ собраніе Академіи своимъ присутствіемъ, почему никто не долженъ говорить при этомъ случаѣ по-латыни, но по-русски, по-нѣмецки и по-французски.» Собраніе это не состоялось по причинѣ скораго отъѣзда Екатерины въ Эстляндію и Лифляндію, но недѣли за двѣ до того Ломоносовъ имѣлъ счастіе принять Государыню у себя. Онъ жилъ, уже нѣсколько лѣтъ, въ собственномъ домѣ, построенномъ на мѣстѣ,

которое было пожаловано ему въ 1756 году [1]). Императрица пріѣхала къ нему 7-го іюня въ 4-мъ часу, съ княгиней Дашковой и нѣкоторыми другими изъ своихъ приближенныхъ. Въ извѣстіи о томъ, напечатанномъ тогда же въ вѣдомостяхъ, сказано, что Государыня смотрѣла мозаическія картины, приготовляемыя имъ для монумента Петра Великаго, также новоизобрѣтенныя имъ физическіе инструменты и нѣкоторыя физическіе и химическіе опыты. Посѣщеніе продолжалось около $1\frac{1}{2}$ часа; оно было не неожиданно, судя по тому, что Ломоносовъ, при отъѣздѣ своей августѣйшей гостьи, поднесъ ей стихи, въ которыхъ между прочимъ говорилъ:

Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру вослѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.

Екатерина въ кабинетѣ Ломоносова—предметъ достойный кисти художника. То была одна изъ ихъ послѣднихъ встрѣчъ: вѣкъ его закатился, когда только что всходила звѣзда ея славы. Ему не суждено было видѣть блистательнѣйшихъ дѣлъ ея. Надъ его могилой прогремѣла слава Екатерины вмѣстѣ съ пѣснями ея могучаго пѣвца.... Но надъ его могилой прошло уже и много поколѣній. Счастливы мы, что можемъ въ сознаніи своемъ прослѣдить цѣлое столѣтіе, пережитое этой могилой, и сказать, что, еслибъ духъ сокрытаго подъ ней могъ откликаться на событія нашего міра, то, можетъ быть, ни одна эпоха этого столѣтія не была бы имъ встрѣчена съ такимъ сочувствіемъ какъ настоящая. Сбылись, сбываются и еще сбудутся многія задушевныя мысли Ломоносова, и еслибъ нынѣ привѣтственные клики потомковъ могли на одну минуту воззвать его къ жизни, то онъ, конечно, благословилъ бы новый путь, на который вступила Россія, благословилъ бы съ восторгомъ Правнука Екатерины на продолженіе подъятыхъ во славу отечества подвиговъ.

---

[1]) На правой сторонѣ Мойки, у нынѣшняго Пѣшеходнаго моста, возлѣ полицейскаго дома; теперь на томъ мѣстѣ одно изъ зданій, принадлежащихъ почтамту. Домъ Ломоносова, говорятъ, былъ еще цѣлъ въ 1830-хъ годахъ. Онъ принадлежалъ тогда Раевскимъ.

(Извлечено изъ VII т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ.)